

Е.Н. Шульга
НУЖДАЕТСЯ ЛИ «ТЕОРИЯ АРГУМЕНТАЦИИ»
В ФИЛОСОФСКОМ ОБОСНОВАНИИ?

В статье приводится краткая история понятия «аргументация» для указания на принципиально междисциплинарный характер современной теории аргументации, в частности, для иллюстрации общего проблемного поля таких дисциплин, как логика, риторика и диалектика. Затрагивается проблема выявления философских оснований аргументации. Рассматривается статус аргументации как фактора обоснования научного и философского знания. Выявляются условия рациональности в обосновании теории аргументации.

This article outlines the history of the notion of "argumentation" in order to emphasise the interdisciplinary nature of modern theory of argumentation, in particular, to illustrate the general problem field of such disciplines as logic, rhetoric, and dialectics. The author addresses the problems of identifying philosophical bases of argumentation, considers the status of argumentation as a factor of substantiating scientific and philosophical knowledge, and determines rationality conditions in substantiating theory of argumentation.

Ключевые слова: аргументация, рациональность, «многоаспектность» аргументации, философские основания аргументации, условия рациональности.

Key words: argumentation, rationality, multi-aspect nature of argumentation, philosophical bases of argumentation, rationality conditions

В настоящее время логики, философы и методологи науки воспринимают понятие «теория аргументации» весьма широко. Они вкладывают в него все разнообразие учебно-методических рекомендаций, касающихся ведения споров и дискуссий, предполагае-

мой деятельности, сопряженной с практикой убеждения или направленной на понимание и истолкование текста. Главной опорой убеждения является рациональность, рассматриваемая теорией аргументации в контексте ценностных характеристик коммуникативного опыта, сопряженного с познанием и передачей опыта и знаний. Истолковательная же деятельность как методологически зависимая от характера и содержания анализируемого текста так же может включаться в предметную область теории аргументации. Однако в этом последнем случае «текст» будет рассматриваться исключительно как фактор осуществления аргументации. И если истолковательная деятельность связана с пониманием текста и умением извлекать его истинный смысл посредством специальных методов интерпретации, развиваемых, в частности, философской герменевтикой, то для теории аргументации аналогичная деятельность по интерпретации текста касается, скорее всего, поиска наилучших доводов (или даже совокупности таковых) для наиболее убедительной интерпретации и адекватного восприятия. Тем самым, аргументация связана с убедительностью и способами отыскания убедительных доводов, содержащихся в тексте.

Теорию аргументации часто ассоциируют с методологией утверждения или отстаивания той или иной, (собственной) точки зрения. К аргументации отсылают во всех случаях, когда необходимо провести анализ, сопряженный с утверждением справедливости (или полноты) выдвигаемого положения. Об этом свидетельствует тот факт, что именно в учебниках по теории и практике аргументации мы можем встретиться с классификацией различного рода уловок, логических ошибок, с описанием способов их распознавания и преодоления и т.д. Таким образом, мы вправе утверждать, что «теория аргументации» формирует свой

научный аппарат исходя из запросов практического свойства, что делает задачу философского обоснования теории аргументации вторичной по отношению к постоянно расширяющейся сфере ее реального приложения. Вместе с тем, большинство исследователей сегодня стремятся концептуально оснастить «теорию аргументации», раздвигая границы ее логико-дискурсивного аппарата и предлагая те или иные новые подходы к аргументации. Чаще всего основанием для использования выдвигаемых подходов оказывается очевидный факт «интеллектуального родства» между риторикой и аргументацией, между аргументацией и диалектикой, между логикой и аргументацией, наконец, между аргументацией и эпистемологией.

Следует подчеркнуть, что вышеперечисленные соответствия складывались исторически – известно, что именно риторика, логика и диалектика рассматриваются сегодня как «точки роста» теории аргументации. При этом значение указанных подходов для истории аргументации оправданно тем первоначальным смыслом, которым изначально наделялась конкретная интеллектуально-практическая деятельность. Так диалектику следует рассматривать как искусство ведения спора; логику – как основу «правильного мышления» (в терминологии Платона); ораторское же искусство в целом – как умение быть убедительным и понятным аудитории.

Более того, задача ритора – быть понятным – вносила принципиально новый аспект в развитие практики аргументации и явилась толчком для формирования теории аргументации и укрепления ее философско-теоретического статуса. При этом практически ориентированная аргументативная деятельность (т.е. деятельность, которую принято называть «риторической», или просто «риторикой»), живо обсуждается современными исследователями как на уровне

обеспечения полнотой концептуальности, так и на уровне описания действия ее когнитивно-риторических механизмов. Такой взаимосвязанный «встречный» процесс развития аргументации привел к появлению нового направления, получившего название «неориторика» (Х. Перельман) а также к формированию «системной модели аргументации» (В. Брюшинкин).

В частности, Перельман и его последователи анализируют такие составляющие риторики, как факты, истины, презумпции, ценности и предпочтения, которые ученый должен распознавать и принимать во внимание, излагая свои мысли и идеи при написании научного труда или при составлении устного доклада – и в том и в другом случае учитывается адресат и аудитория. Не последнее место здесь отводится языку, и в особенности, средствам языковой выразительности мысли (фигурам речи, тропам, художественным приемам и т.д.), что делает актуальным привлечение лингвистического аспекта как одного из базовых в аргументации.

Итак, приведенная краткая история аргументации иллюстрирует не только общее проблемное поле названных дисциплин, но и указывает на принципиально междисциплинарный характер современной проблематики аргументации. Со временем когнитивные аспекты аргументации оказались в центре внимания философов, занимающихся теорией познания, а новейшие исследования в этой области дали новый толчок в направлении поиска ответов на насущные вопросы аргументации, в частности, связанные со спецификой рассуждения. Именно в этом ракурсе постановки проблемы, как будет показано в данной статье, смыкаются теоретические интересы и запросы эпистемологии, психологии и аргументации, намечая тем самым перспективы роста теории аргументации и обо-

значая границы участия каждой из дисциплин в формировании теоретической базы аргументации.

Поясню, что усматриваемые здесь «перспективы роста» теории аргументации не должны восприниматься, кем бы то ни было, как отголоски тех тенденций, которые хорошо известны из истории позитивизма. Напротив, наблюдаемые новейшие тенденции развития научного (и философского) знания таковы, что привлечение результатов тех или иных отдельных дисциплин для решения конкретной проблемы представляется уместным и даже необходимым. Однако это не влечет за собой снижение статуса той конкретной дисциплины, внутри которой эта проблема возникает, но сама научная проблема часто такова, что ее решение требует привлечения результатов различных дисциплин. Аналогичную ситуацию можно наблюдать и в сфере проблематики аргументации.

Важно еще раз подчеркнуть, что для современного состояния дел в этой сфере характерно участие того практического запроса, который обнаруживают научные дисциплины, способные оказывать позитивное влияние на развитие теории аргументации. Однако это обстоятельство не только не снижает пафос философско-методологических изысканий в этой области, но актуализирует его, коль скоро все более очевидно участие философии в обосновании теоретического статуса аргументации. И даже те, кто по каким-то причинам не признает (или вовсе отвергает) роль философии в деле обоснования научного знания не могут отрицать тот факт, что проблема обоснования (выработка условий, этапов обоснования, принципов обоснования и критериев обоснованности знания) – все это круг вопросов аргументативного свойства. Поскольку же практика аргументации (в ее широком смысле) зародилась и развивается в недрах философского знания, постольку представляется естественным

философский взгляд на процессы, происходящие с проблематикой аргументации. Все это делает уместным философско-методологические исследования тенденций развития теории аргументации, а появление концепций, новых подходов, введение понятий и принципов аргументации с относительно универсальными характеристиками делает само внедрение философской методологии в теоретический аппарат аргументации уместным и своевременным.

Конечно, сегодня все еще рано говорить о «теории» аргументации в том классическом (строгом) ее значении, как это имеет место, например, в физике. Тем не менее, мы используем понятие «теория аргументации» не гипотетически, а реально признавая факт возрастания многоаспектного исследовательского интереса вокруг аргументации, характеризуя общую тенденцию ее развития как своеобразный переход от практики – к теории.

Многие исследования, посвященные аргументации исходят не только из задач сугубо прагматического свойства, связывая аргументацию с коммуникативной деятельностью (искусство убеждения и практика достижения успеха), но и с попытками определить познавательную роль аргументации. Такой ракурс исследования ориентирует на поиск соответствий между психологическими данными опыта коммуникативной практики с его когнитивными составляющими, и в этом случае перед исследователями встает совершенно определенная задача: поиск соответствий между личным пониманием и нормативным аспектом аргументации. Другими словами, рассматривая проблематику аргументации в контексте соотношения «эпистемология – аргументация» мы осуществляем поиск ответа на вопрос о том, как среднестатистические люди понимают природу знания и познания, и какие эпистемологические ориентации лежат в основе

квалифицированной аргументации. И здесь решение вопроса основывается на привлечении результатов не только логики, но и психологии.

Дело в том, что подобно философскому исследованию неформальной и формальной логики психологические исследования неформальной логики рассматривают проблему формального рассуждения, или того, что препятствует рациональному мышлению. Вместе с этим стоит обратить внимание на то, что в настоящее время группа психологов сделала аргумент объектом своих рассуждений (Эванс, Galotti, Rips). Следуя декларации, предшествующей созданию неформальной логики как философской области (Тулмин), эти психологи исходят из предположения, что неформальное рассуждение лучше описывает то, как люди действительно думают при решении большинства повседневных проблем, чем это делают формальные дедуктивные или индуктивные рассуждения. Несмотря на эти казалось бы здравые декларации и концентрацию внимания ученых на действительное (реальное) человеческое поведение, повседневные сложные рассуждения с неформальной аргументацией представляются большинству из них неупорядоченными, ненадежными для того чтобы их можно было бы использовать в качестве предмета психологического исследования. Оказывается при этом, что психологи, вовлеченные в исследование так называемых неформальных рассуждений, столкнулись с той же проблемой, что и философы неформальной логики, а именно: то, что приобретается в результате при попытке решения проблемы поведенческих человеческих рассуждений, достигается ценой точности исследования формальной логики. Поэтому нормативный, эпистемологический подход к аргументации должен, по видимому, представлять собой попытку внести некоторую точность в рассмотрение. Сразу же поясню, что

«нормативный» - это термин, который имеет различные смыслы в психологии и в философии. В нашем случае слово «нормативный» указывает на философские коннотации с тем, как вещи должны быть. Те же, кто настаивает на том, что попытка формализовать более точно правила неформальной аргументации, по сути дела, должны были бы принять вывод, что в этом случае достижение точности аргументации происходит за счет утраты видения того, как люди в действительности думают. Это может происходить при допущении, что у людей отсутствует эпистемологический взгляд на аргументацию. Но так ли это на самом деле - является эмпирическим вопросом.

При обсуждении эпистемологической составляющей доказательства (когнитивной особенности процесса доказательства) философы могут извлечь пользу из рассмотрения того, как обычные люди рассматривают знание и его природу и как это соотносится с аргументацией.

Центральный конфликт между различными точками зрения на роль и значение эпистемологического подхода к аргументации касается вопроса о том, является ли целью аргументации достижение приемлемого соглашения или же успешная аргументация есть ни что иное как установление оправданных (или обоснованных) познавательных утверждений. Важно при этом отметить то обстоятельство, что эмпирическая поддержка эпистемологического подхода должна показать, что человеческая аргументация согласуется с эпистемологическими стандартами подтверждения (т.е. стандартами аргументации) и вот почему. Дело в том, что в обычной жизни люди всегда аргументируют согласно эпистемологическим стандартам, даже в том случае, если эти стандарты, лежащие в основании аргументации, совпадают или не совпадают с нормативными философскими стандартами. В то же

время эпистемологический подход к аргументации утверждает, что стандарты подтверждения отличаются друг от друга и, по-видимому, являются функциями психологического построения (т.е. очевидно участие психологической составляющей на выбор аргументов). Тем не менее, люди воспринимают свои эпистемологические стандарты как нормативные. Более того, их аргументация следует этим стандартам. Это доказывает, что люди нацелены на эпистемологические и аргументативные стандарты. Поэтому было бы хорошо, если бы философия могла бы предложить им свои философски оправданные стандарты.

В процессе осуществления того или иного доказательства люди фактически используют эпистемологический подход, хотя не всегда осознаваемый или философии идеальный. Дело в том, что люди к определенному возрасту уже обладают операционными теориями знания, которые лежат в основании качества используемого ими аргумента. Поэтому при необходимости такого исследования всегда можно охарактеризовать уровень мастерства, проявляемого людьми в различного рода доказательствах и в использовании доводов (например, оценить то, какие приводятся контраргументы, как осуществляется доказательство и оценить тем самым уровень овладения ими искусством аргументации). Например, исследуя и сравнивая человеческие полагания и мастерство аргументации. Такой ракурс рассмотрения позволяет подойти к аргументации эпистемологически и реализовать задачу выработки наиболее адекватных стандартов подтверждения. Однако это не означает, тем не менее, что люди аргументируют непротиворечиво по отношению к философским эпистемологическим нормам. При проверке этого положения на практике обнаружилось, что прагматика (т.е. цели, которые преследуют люди в процессе аргументации, контексты и социальные пра-

вила коммуникации) может либо подкреплять, либо ослаблять эпистемологический анализ.

Вывод, который получен в результате исследования позволяет говорить о том, что существуют очевидные (индивидуальные) различия в способности людей конструировать и порождать аргументы, оценивать их суммарное качество, идентифицировать ошибки неформального рассуждения и конструировать основанные на очевидности аргументы или нарративные объяснения. Конечно, объяснение причины такого различия могут потребовать специального исследования. Тем не менее, уже сегодня мы можем утверждать, что люди, обладая общей для них когнитивной способностью, различаются в умении аргументировать, и эти различия обусловлены тем, что отличает людей: возраст, пол, годы обучения, знание аргументативных языковых форм, а также общий уровень знания наряду с эпистемологическими убеждениями. Именно эпистемологические убеждения, общие когнитивные способности и годы обучения проявляют себя как отдельные (и важные) факторы в способности предвидеть умение аргументировать.

Обоснование теории аргументации предполагает включение различных философско-методологических аспектов, связанных с выявлением философских оснований такого рода теории. Сложность (и даже парадоксальность) ситуации заключается в том, что проблема обоснования теоретического знания предполагает переход на фундаментальный уровень исследований, при этом задача обоснования данного конкретного знания рассматриваться также и как относящаяся непосредственно к кругу проблем самой теории аргументации. В связи с этим встает вопрос: можем ли мы сегодня рассматривать «теорию аргументации» как некоторую совокупность знания в об-

ласти методологии науки, способную решить проблему обоснования любого знания, коль скоро мы можем утверждать и даже настаивать на том, что сама теория аргументации нуждается в обосновании? Конечно, существуют определенные теоретические и методологические наработки, касающиеся перспектив развития «теории аргументации». В частности, мы вправе утверждать, что не только широко обсуждаемые сегодня способы аргументации могут рассматриваться как образцы рациональной деятельности в области методологии науки аргументации, но и сами способы аргументации таковы, что могут служить определенными ориентирами в распознавании тех теоретических и методологических предписаний, которые характерны для той или иной философской школы. Другими словами, по способам аргументации, по характеру аргументов мы отличаем философскую систему или выделяем ту или иную философскую школу. Тем самым аргументация, понимаемая в самом широком смысле слова, рассматривается как важный фактор философского обоснования научного и даже философского знания. Такой подход к проблеме делает вдвойне актуальным философский и теоретико-методологический поиск в области проблематики аргументации в целом. Более того, ее логико-эпистемологический и психологический аппарат достаточно универсален, а вся длительная история развития философской мысли выработала такие принципы и способы аргументации, совокупность которых как раз и позволяет рассуждать о теории аргументации, например, в контексте становления образцов рациональности.

Следует выделить условия рациональности, которые представляются наиболее приемлемыми в обосновании «теории аргументации». Основные критерии рациональной деятельности в науке:

(1) логическая упорядоченность сфер мышления, согласование понятий, упорядоченность в использовании отдельных аргументов и последовательность, поэтапность решения проблем (от простых задач к более сложным аспектам проблемы)

(2) обоснование должно ориентироваться на эмпирическое подтверждение знания.

(3) анализ должен быть всесторонним и нацелен, по возможности, на проникновение в сущность вещей, на поиск ценностного знания.

Поясню, что «ценностное знание» – это полученное знание, обладающее интеллектуальной ценностью, а «проникновение в сущность вещей» – это выход на философский уровень осмысления проблемы. Эти критерии рациональности в полной мере отвечают задаче обоснования теории аргументации. Причем первым неперенным условием продуктивной (рациональной) деятельности исследователя является четкое понимание того, что выдвигаемая «теория аргументации» (концептуально обоснованная теория) будет наделена прерогативой непротиворечивости, обладать определенным смыслом и при этом она должна быть открытой для критики. Это последнее обстоятельство не будет восприниматься пессимистичным, если рассматривать его как условие принципиальной возможности развития теории.

Список литературы

1. *Брюшинкин В.Н.* Системная модель аргументации // Аргументация и интерпретации: исследования по логике, истории философии и социальной философии. Калининград, 2006. С.11-17.
2. *Труфанова А.С.* «Новая риторика» Х.Перельмана с точки зрения системной модели аргументации

// Модели рассуждений-3: когнитивный подход.
Сб.научн.статей. Калининград, 2010. С.245-254.

3. *Шульга Е.Н.* Понимание и интерпретация. М.: Наука, 2008.
4. *Perelman Ch., Olbrechts-Tyteca L.* The New Rhetoric. A Treatise on Argumentation. Notre Dame etc.: University of Notre Dame Press. 1969.
5. *Toulmin S.* The Uses of Argument. Updated Edition. Cambridge: Cambridge University Press, 2007.

Об авторе

Шульга Елена Николаевна – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии Российской Академии Наук, vasyukov4@gmail.com.

About author

Prof. Yelena N. Shulga, Leading Research Fellow, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, vasyukov4@gmail.com.